

Россия: вчера, сегодня, завтра

МРАЧНОЕ СЕМИЛЕТИЕ 1848–1855 ГОДОВ¹

С.А. Простаков

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: 1848 в Европе начинается «Весна народов». Революционные движения на Западе пугают царя Николая I, который пошел на беспрецедентное усиление цензуры в российском обществе. У современников эти события получают имя «Мрачного семилетия». В этот период процветали официально насаждаемые патриотизм, идеология осажденной крепости, мракобесие, искоренение всякого инакомыслия. Победить крамолу, а вернее предпосылки к ней, удалось властям довольно быстро, после чего у Зимнего дворца началось «головокружение от успехов». Во многом оно приведет к фатальным ошибкам во время Крымской войны, поражение в которой даст решительный толчок началу Великих реформ Александра II.

Ключевые слова: цензура, Бутурлинский комитет, политическая реакция.

Весна народов

В 1848–1849 годах в Европе вспыхнули буржуазные революции, поставившие под сомнение «незыблемый» порядок, который охранял «Священный союз». Эта достаточно эфемерная организация появилась в 1815 году в результате Венского конгресса, на котором страны-победительницы Наполеона, клятвенно пообещали охранять абсолютистские монархические и феодальные порядки в Европе.

Но еще Великая Французская революция 1789–1794 годов, результаты которой хотел отыграть обратно Венский конгресс, для современников означала окончательный разрыв со средневековым прошлым и начало принципиально новой эпохи. На смену феодализму приходил капитализм; наука по всем фронтам теснила религию; растущая европейская буржуазия ставила своим главным требованием политическое представительство.

«Весна народов», а именно так современниками были названы европейские революционные события 1848–1849 годов, наглядно показала, что «Священному союзу» остается охранять только собственные троны, потому что «старые порядки», освященные традицией, окончательно исчезли.

И главным их защитником выступил российский император Николай I.

Третий сын Павла I никогда не готовился к тому, чтобы занять престол — ему прочили военную карьеру. Но старший брат Александр I не оставил наследников, а другой брат

¹ По материалам: Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. — <http://reifman.ru/>

Константин Павлович от престола отказался. Так неожиданно в декабре 1825 года корона перешла к Николаю.

Но царствование нового монарха началось не с торжеств, а со стрельбы в самом центре столицы: на Сенатскую площадь вышли декабристы — офицеры, аристократы, желавшие ограничения власти монарха, вплоть до установления в России республики. Восстание декабристов было подавлено в течение одного дня, но сыграло во многом определяющую роль в духе царствования Николая I. Теперь он видел своей главной задачей не допустить проникновение революционной крамолы в «Богом данные ему земли».

Поэтому когда «Весна народов» вплотную подкатилась к границам Российской империи, Николай I выступил ее активным противником. В 1849 году он послал в Австрийскую империю войска, которые должны были помочь Вене подавить Венгерскую революцию, грозившую привести к распаду государство Габсбургов. По форме и по содержанию действия русских войск напоминали карательную операцию, благодаря чему Николай I удостоился звания «жандарма Европы».

Первый комитет

Сама Российская империя была одним из немногих европейских государств, в которой в конце 1840-х годов не произошло революции или восстания. Но Николай I и его сановники отчетливо видели, что произошедшее в Европе — это не случайность, а цепь событий, звенья которой рано или поздно докатятся до России. Поэтому власть начала действовать на упреждение.

Накануне «Весны народов» в России современники отмечали либерализацию. Казалось, что еще в 1830-е года монархия раздавила все основные очаги опасной крамолы. Польша была лишена конституции. В Сибири начала активно действовать политическая ссылка. Русское просвещенное общество с интересом следило за дискуссиями западников и славянофилов, развернувшихся на страницах толстых журналов, самыми влиятельными из которых были «Отечественные записки» и «Современник». Немалый интерес для наиболее продвинутых читателей представляли западные либеральные и социалистические теории, которые проникали в Россию. Либеральный литератор Павел Анненков написал о 1838–1848 годах книгу, которую назвал «Замечательное десятилетие».

Но этому ограниченному либерализму пришел конец в 1848 году. Историк российской журналистики Михаил Лемке писал: «Не было никакого повода опасаться волнений и беспорядков, однако память о катастрофе 1825 года была еще свежа, а мнения, господствовавшие в некоторых наших литературных кружках, казались органически связанными с крайними учениями французских теоретиков. Поэтому император повелел принять энергичные и решительные меры «против наплыва в Россию разрушительных теорий»». В 1840-е годы в России была отнюдь не свобода слова, но теперь по распоряжению царя впервые в отечественной истории вводился новый вид цензуры — негласный.

Историк Дмитрий Олейников, специалист по николаевской России, подчеркивает, что для оценки действий властей в 1849 году необходимо учитывать представления Николая I о революциях. «Шла информационная война, если мы будем использовать современную терминологию. Нужно представлять, что думал Николай I о революциях 1848 года. Для него они были повторением Великой Французской революции. А он хорошо помнил, что она в результате привела к пожару Москвы в 1812 году», — говорит историк.

Под руководством адмирала Александра Меншикова в конце февраля 1848 года был создан комитет, в который вошли Дмитрий Бутурлин, Модест Корф, Павел Дегай и другие. Меншиков во времена Александра I имел репутацию либерала, часто цитируя на публике

французских просветителей и выступая в поддержку освобождения крестьян. Но после восстания декабристов его позиция резко переменилась: теперь он стал «ярким сторонником существующих порядков», и сделал при Николае I большую карьеру. Морской офицер Меншиков расположил комитет в здании Адмиралтейства.

Особенностью комитета была таинственность, окутавшая его деятельность. Ни одним законом империи такая структура не была предусмотрена. Благодаря этому в высших эшелонах власти возникла путаница. Раньше делами цензуры заведовал исключительно министр просвещения граф Сергей Уваров, а за политикой надзирало III отделение, руководимое после смерти Александра Бенкендорфа графом Алексеем Орловым. Теперь же существовала инстанция, которая подчинялась исключительно монарху, форма деятельности которой состояла в написании «записок» — проще говоря, доносов о выявленных случаях крамолы и революционного подстрекательства. Под ударом оказывались и многие вельможи. Теперь прежний демиург государственной идеологии граф Уваров оказался в положении невольного исполнителя решений «комитетчиков». Официально же о комитете ничего не было известно, что только усиливало устрашающие слухи о нем.

Через несколько недель работы комитет, ознакомившись с личностями издателей, редакторов, журналистов и писателей, выдвинул четыре требования, которые до широкой публики довел Уваров: 1) Цензурному начальству приказывалось усилить работу подчиненных по выявлению «предосудительного духа многих статей»; 2) Предупредить цензоров, что теперь они будут нести ответственность, если пропустят материал, в котором позже будет выявлено «дурное направление, хотя оно и выражалось бы в косвенных намеках»; 3) Запретить в печати публиковать «намеки» на строгость цензуры; 4) Запретить обсуждать или публиковать отрывки из запрещенных иностранных книг.

В конце марта 1848 года Уваров получил от комитета требование созвать редакторов петербургской периодики и сообщить им, что их долг «не только отклонять все статьи предосудительного направления, но и содействовать своими журналами правительству в охранении публики от заражения идеями, вредными нравственности и общественному порядку». Большинство редакторов подчинились новым требованиям негласного комитета.

Показательно поведение Андрея Краевского, главного редактора «Отечественных записок». Беседовавший с ним чиновник из III отделения Михаил Попов оставил записки, где передал содержание разговора. Краевский повторял, что он — русский, с детства проникнут чувством монархизма. Он никогда не совершил ни одного неблагонамеренного поступка. Если он спокоен и счастлив, то этим он обязан исключительно правительству, которое охраняет его. Далее он просил Попова, чтобы правительство предоставляло «Отечественным запискам» темы и материалы, которые представляли бы в истинном губительном виде заграничные порядки. Публикацией их Краевский надеялся доказать свою верность престолу.

Власти оказались довольны таким поведением влиятельного редактора. Он же в свою очередь поспешил написать статью «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», в которой резко осуждал революцию и западные влияния среди просвещенного российского сословия. Особенно резким нападкам подвергся Виссарион Белинский. Интересно, что под самой статье Краевский поставил дату 25 мая 1848 года, то есть подразумевалась, что она была написана до смерти Белинского 26 мая. «Россия и Западная Европа...» была послана на цензурирование в комитет с сопроводительным письмом, в котором Краевский клялся, что в «Отечественные записки» вольномыслие проникло из-за молодых сотрудников, увлекшихся Прудоном и Фурье. Царь через комитет ознакомился со статьей и дал личное разрешение на ее публикацию.

Срок работы комитета Меншикова был ограничен одним месяцем, поэтому его сотрудники спешили продемонстрировать царю конкретные примеры, выявленной крамолы. Сроч-

но ища ее пример в периодике, Павел Дегай наткнулся на повесть «Запутанное дело» Михаила Салтыкова-Щедрина. Идею произведения цензура охарактеризовала так: «Богатство и почести — в руках людей недостойных, которых следует убить всех до одного». О повести было доложено царю. Комитет охарактеризовал повесть как самое «резкое и предосудительное из рассмотренных произведений». Салтыков-Щедрин был арестован, над ним нависла угроза быть сосланным на Кавказ. Но Николай I, «снисходя к молодости Салтыкова», сослал его на службу в Вятку за «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу».

Уже 28 апреля Салтыков-Щедрин отбыл в семилетнюю ссылку, хронологически полностью совпавшую с «мрачным семилетием» — именно так впоследствии охарактеризует последние годы царствования Николая I тот самый Анненков, назвавший предыдущее десятилетие «замечательным».

Жизнь на «Сандвичевых островах»

Меншиковский комитет был всего лишь апробацией использования негласной цензуры в условиях предотвращения революции в России, или как бы выразились позднее, «закручивания гаек». Взамен его был 2 апреля 1848 года учрежден такой же негласный, но постоянный комитет, во главе которого встал уже упоминавшийся Дмитрий Бутурлин.

Этот человек как никто подходил на роль главного российского цензора. Он являлся членом Государственного совета и заведовал Императорской публичной библиотекой. В своих цензорских действиях был последователен до абсурда. Так, Бутурлин хотел, чтобы из православных акафиста Покрова Божьей Матери вырезали несколько строчек, увидев в них революционный смысл. Речь шла об упоминании в молитве жестокости владык и о неправедных властях, которые начинают войны. Существует легенда, что однажды Бутурлин заявил, что цензуре стоило бы исправить Евангелие за осуждение жестокостей властей, если бы она не была такой известной книгой.

Личность главного цензора была столь колоритной, что «Комитет 2 апреля» в историю вошел под именем «Бутурлинского». За ним закреплялись полномочия по цензурированию абсолютно всей печатной продукции, в том числе уже и той, что была опубликована. При этом сам «Бутурлинский комитет» продолжал действовать в обстановке секретности, официально о нем нигде не сообщалось, а авторы и цензоры по всей империи не были поставлены в известность о его деятельности.

Теперь сами цензоры были вынуждены действовать на упреждение, проявляя излишнюю осторожность и строгость. Теперь за литературой, журналистикой и печатным делом надзирала официальная цензура, контрольные органы различных министерств, III отделение. А над ними всеми возвышался негласный всеильный комитет, подчиняющийся монарху. Но в эту цензурную пирамиду Бутурлин с соратниками внесли новый акцент: главное внимание теперь обращалось на «междустрочный смысл сочинений» — не на то, что автор хотел сказать, а на то, что хотел бы сказать. И подобный контроль распространялся на всю империю. Так, в Митаве была изъята местная газета, в которой Комитету не понравился смысл поздравления, адресованного 50-летнему наборщику в типографии.

А Уваров, еще недавно главный идеолог правления Николая I, создатель знаменитой триады «православие–самодержавие–народность» был поставлен перед фактом, что впредь он будет исполнять поручения председателя комитета. Бутурлин при общении с Уваровым обращался с ним как с подчиненным, хотя у последнего в отличие от председателя Комитета была официальная должность в имперском правительстве. Уваров естественно затаил обиду, и стал выжидать удобного случая, чтобы сместить или поколебать позиции Бутурлина. Пока

же он продолжал доводить до публики требования Комитета о запрете «косвенных порицаний правительства» в печати.

Если перемена курса «Отечественных записок» вполне удовлетворяла власти, то с «Современником», которым тогда руководил Николай Некрасов, нужно было «поработать». Некрасов готовил к печати «Иллюстрированный альманах» — бесплатное приложение к «Современнику», вложив в него личных четыре тысячи рублей серебром. Редактор таким образом надеялся повысить число подписчиков на основной журнал. Но в «Альманахе» кроме всего прочего была обнаружена карикатура «Белинский, не узнающий свою статью после напечатания». Естественно после такого о продаже речи идти не могло. Весь тираж оказался свален на чердаке в доме Некрасова, и только благодаря лакею, продавшему несколько номеров букинистам, «Альманах» дожил до наших времен.

Но «Современник» был вполне логичной жертвой цензуры. Куда как интереснее смотрелась цензура, которая теперь подвергала тщательной проверке официозные издания. Так, газете военного министерства «Русский инвалид» было запрещено подробно описывать военные действия. Обосновывалось это тем, что «иногда и простое обращение голых фактов, даже если изображать их в ярких красках того омерзения, коего они заслуживают, оказывалось бы не менее вредным и предосудительным». Также примечателен случай, когда Комитет потребовал от Уварова принять срочные меры в отношении редакции «Ведомостей Санкт-Петербургской полиции», позволившей себе опубликовать на месте ранее запрещенной статьи уведомление, что она отсутствует «по причинам от редакции не зависящим».

В это время историку Погодину один из знакомых жаловался в личной переписке: «Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще более осложняли дело. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним в кругу друзей». Александр Никитенко, бывший официальный редактор «Современника», во второй половине 1848 года так характеризовал сложившуюся ситуацию в России: «Теперь в моде патриотизм, отвергающий все европейское, не исключая науки и искусства, и уверяющий, что Россия столь благословенна Богом, что проживет без науки и искусства».

По мере усиления цензуры в дневнике Никитенко для обозначения России появилась формула «Сандвичевы острова». События, реально происходящие в России, он описывал в антураже выдуманных островов, но получалось очень похоже на оригинал. «События на Западе вызвали на острове страшный переполох. Варварство торжествует там свою дикую победу над умом человеческим, который начинал мыслить, над образованием, которое начинало оперяться... Произвол, облеченный властью, в апогее: никогда его не почитали столь законным как ныне. Поэтому на Сандвичевых островах всякое поползновение мыслить, всякий благородный порыв клеймятся и обрекаются гонению и гибели», — писал Никитенко в конце декабря 1848 года.

Уваров наносит ответный удар и проигрывает

Так заканчивался 1848 год, в который, как казалось современникам, цензура достигла своего апогея. Но после рождественских праздников, в самом начале 1849 года Бутурлин выступил со своим проектом закрытия университетов.

Уваров узрел в этом не только дополнительное расширение цензуры, но и теперь уже прямое посягательство на подведомственную ему сферу. Опытный вельможа, Уваров хорошо понимал, что если Бутурлин озвучивает подобный проект, значит на него получено разрешение свыше. Опасаясь скорой отставки, он вступает в борьбу с Комитетом. Нужно понимать и особенности личности Сергея Уварова. Он был настоящим интеллектуалом, по-европейски образованным, хорошо умеющим переигрывать вольнодумство на его же поле, так как был

хорошо осведомлен о течениях современной западной мысли. Уваров, ставший образцом просвещенного охранителя, осознавал мракобесие очередной инициативы Бутурлина.

Для нанесения удара Уваров избрал «Современник», где без подписи появилась статья профессора Московского университета Ивана Давыдова «О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании». Инспирированный министром просвещения материал был выдержан в консервативном, даже реакционном духе. «В православной и боголюбимой Руси благоговение к Провидению, преданность Государю, любовь к России — эти святыя чувствования никогда не переставали питать всех и каждого; ими спасены мы в году бедствий; ими возвышены на степень могущественной державы, какой не было в мире историческом», — писал Иван Давыдов.

Но, защищая университеты, Давыдов прибегал к уловке. Он ставит на одну доску Бутурлина и всех, хотящих неоправданных преобразований в России. По логике Давыдова, желание закрыть университеты порождает «недовольство существующими порядками и несбыточные мечты о нововведениях». Он подчеркивал, что именно университеты и их выпускники являются опорой престола, сея в империи просвещение в самодержавном и народном духе.

Статья наделала в результате немало шума.

Бутурлин стал готовить ответ. Через несколько дней после выхода мартовского «Современника» он написал письмо Уварову, в котором указал на здравые предложения, высказанные в статье Давыдова, но также и на «неуместное для частного лица вмешательство в дела правительства». На его взгляд, подобные мысли публично могут высказывать только высшие государственные сановники. После этого Бутурлин поспешил доложить царю о статье Ивана Давыдова, на которую царь в итоге наложил резолюцию: «узнать, как сие могло быть пропущено».

Уваров понял, что нужно действовать прямо. Он пишет докладное письмо императору, в котором рассказывает, что слухи о закрытии университетов искусственно вызвали брожения в умах, которых больше всего государство и опасалось. Уваров указывает, что статья имеет в целом верноподданнический характер, но за год существования «Бутурлинского комитета», отмечает он, в печать было немало пропущено материалов, в котором частное лицо вторгалось в государственные дела.

Николай I отверг аргументы Уварова, указав, что всем, желающим высказаться о работе правительства, «должно повиноваться, а рассуждения держать про себя». Через два дня после ответа императора, 24 марта Комитет публикует распоряжение, запрещающее публиковать какие-либо отзывы о работе государственных учреждений.

Уваров потерпел поражение, хотя в результате Николай I запретил только философские факультеты как рассадники западноевропейской мысли. Теперь отставка ключевого идеолога николаевской России оставалась делом времени.

Конец «мрачного семилетия» в Севастополе

Следствием подковерной борьбы весны 1849 года стало окончательное и безраздельное установление господства «Бутурлинского комитета».

Главным же политическим делом 1849 года станет суд над членами кружка Михаила Буташевича-Петрашевского. Он был типичным представителем русской интеллигенции, увлекшимся идеями утопического социализма. Сам Петрашевский себя называл последователем философа Шарля Фурье. С 1845 года в его доме стали проходить еженедельные «пятницы», на которых собирались писатели, публицисты, философы, ученые. Обсуждение проблем

современной социальной и политической философии естественно перетекало в споры о российской политике.

Но поводом для ареста Петрашевского и членов его кружка стали не эти разговоры. Еще в 1845 году Петрашевский опубликовал «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Только через четыре года цензура обратила на него внимание. В «Словаре...» отсутствовало последовательное изложение идей французских утопистов, но зато цензорам крайне не понравилось наличие в нем таких слов как анализ, синтез, прогресс, идеал, ирония и максимум. Вердикт цензуры был однозначен: «самое даже благонамеренное объяснение их значения поведет к толкованиям, вовсе не свойственным образу и духу нашего правления и гражданского устройства».

Запрет книги обратил внимание властей на «пятницы» в доме Петрашевского. И тут вскрылось совсем подсудное дело: в этом доме не только регулярно обсуждались запрещенные книги и идеи, в них почерпнутые, но там же делались их копии. Немалую роль в этом сыграло внедрение в кружок тайного агента полиции Ивана Липранди. Когда у жандармов возникла необходимость привлечь петрашевцев к ответственности, Липранди предоставил весь архив своих годовых наблюдений и список лиц, на которых стоило особо обратить внимание. Среди них кроме самого Петрашевского были еще 23 имени, самым известным среди них был Фёдор Достоевский.

Суд над арестованными в ноябре петрашевцами был скор — в декабре 1849 года они были приговорены к смертной казни. Но в итоге царь приговор отменил, заменив его другими наказаниями. Одним из них, и возможно, главным по задумке царя была инсценировка казни, когда приговоренным объявили о помиловании только после приказа расстрельной команды привести в исполнение первоначальное решение суда.

На этом фоне продолжалось усиление цензуры. Теперь, когда условные либеральное и социалистическое поле были зачищены, власть перешла к борьбе с «вольномудством» среди лоялистов.

Первыми под удар попали славянофилы, которые всегда в целом являлись попутчиками власти, но позволяли себе давать независимые оценки истории и политики. До поры их поиски идеала в допетровской Руси мало привлекали к себе внимание. Но когда правительство начало бороться с любой альтернативой существующему порядку, то и славянофилы по их мнению оказались сеятелями крамолы. В 1849 году им запретили носить бороды и крестьянскую одежду. В том же году были арестованы идеологи славянофильства — Юрий Самарин и Иван Аксаков. Причиной послужила их письма родным, в которых они позволили себе оценивать работу правительства. Несмотря на то, что в итоге они отделались не так строго, как петрашевцы, впредь славянофилы были вынуждены свои публикации согласовывать с властью. Через несколько лет, в 1852 году, будет уже закрыт и главный славянофильский печатный орган — «Московский сборник». К концу правления Николая I славянофильское движение было фактически разгромлено.

Вторая половина 1849 года станет зенитом расцвета цензуры, осуществляемой «Бутурлинским комитетом». Сотрудники официальных цензурных органов были вынуждены работать на износ, проверяя не только литераторов, но и своих коллег.

Уваров в октябре был отправлен в отставку. У него начинается тяжелая болезнь, которая заставляет его полностью уйти от каких-либо дел. Главный реакционный идеолог николаевской России умирает всеми забытый в 1855 году в канун завершения «мрачного семилетия».

Но той же осенью 1849 года происходит два неожиданных события — умирает сначала сам Бутурлин, а потом его верный соратник по Комитету — Дегай.

Одновременное исчезновение с политической арены главных идеологов «закручивания гаек» в конце 1849 года поначалу никак не сказывается на работе цензурной бюрократиче-

ской машины. На место Уварова приходит князь Платон Ширинский-Шихматов, а на смену умершему Бутурлину — генерал Анненков. Историк цензуры Павел Рейфман писал: «И Шихматов, и Анненков, при всей их реакционности, враждебности малейшему проявлению либерализма, фигуры гораздо менее яркие, колоритные, чем их предшественники. Они исполнители, а не «творцы» в насаждения мракобесия. Но «творцов» и не требовалось. Машина была налажена и работала бесперебойно».

К началу 1850-х годов большинство журналистов и писателей подстроилось под новые требования. Поэтому у цензуры и Негласного комитета работы с каждым годом становилось все меньше.

В 1853 году Россия вступила в Крымскую войну, предложив первоначально европейским державам — партнерам по «Священному союзу» принять участие в разделе Османской империи. Но союзники в борьбе с европейскими революциями предпочли выступить на стороне Стамбула. Спасенная полками Паскевича в 1849 году от Венгерской революции Вена в развернувшейся войне заняла нейтральную позицию.

Вначале война была встречена российским обществом с большим энтузиазмом. Но постепенно стало понятно, что империя Николая I чисто технически не может вести войну с объединенной Европой на равных.

В течение года англо-франко-турецкая армия осаждала Севастополь. Русская армия была вынуждена отступить.

В феврале 1855 года Николай I умирает от простуды. Ходили слухи о самоубийстве.

Взошедший на престол Александр II признает поражение в войне. Началась подготовка к широкомасштабным социально-экономическим реформам.

Из ссылки стали возвращаться декабристы и пострадавшие от действий цензуры в конце 1840-х годов литераторы и журналисты.

«Мрачное семилетие» закончилось.